

Крижановский А. Ф.

УДК: 340. 12

*к.ю.н., доцент, начальник научно-исследовательской части
Одесской национальной юридической академии*

ПРАВОПОРЯДОК И ПРАВАЗАКОННОСТЬ: НА ПОРОГЕ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ

Даже те правоведы, которые специально не занимаются проблематикой правопорядка, не могут не обратить внимание на то, что с обретением независимости отечественная юриспруденция не "балует" своим вниманием теоретические и прикладные вопросы правопорядка и законности. Хотя вполне очевидно: реальное состояние в этой сфере, оценки его гражданами, профессиональными юристами (учёными и практиками), политиками, общественными и государственными деятелями не оставляют ни малейших сомнений в единстве общественного мнения на этот счёт. По большей части такая оценка тяготеет к крайне негативной, соответствующей состоянию системного кризиса всей правовой сферы.

Поэтому до сих пор отечественной юриспруденцией не выработана ни доктринальная модель формирования правопорядка в условиях трансформационных процессов, ни система социальных и властных механизмов обеспечения правопорядка и законности в нынешних условиях. Теория правопорядка, сложившаяся в 80-е годы XX столетия усилиями таких учёных, как Н.Г. Александров, В.В. Борисов, Н.В. Витрук, Г.С. Котляревский, В.В. Лазарев, О.Ф. Мураметс, П.М. Рабинович, Т.М. Шамба, Л.С. Явич и др., содержит ряд фундаментальных положений, сохраняющих свою ценность и современную эпоху. Вместе с тем, новые реалии правового бытия украинского общества, определяемые не только общемировыми процессами, но и внутренними социальными преобразованиями, непосредственно влияющими на состояние правовой упорядоченности общественного бытия, требуют не просто

уточнения и корректировки теории правопорядка с учетом принципиально новой правовой ситуации. Речь должна идти о выработке новой парадигмы правопорядка. Насытившись мифами, общество ждёт от отечественных правоведов разработок, реализация которых на практике позволит преодолеть кризисную ситуацию в правовой сфере. От того, насколько наука справится с этими далеко не простыми задачами, во многом будет зависеть направленность и динамика развития социальных процессов, и не только юридических, но и экономических, политических, гуманитарных и др. [1, с. 167]. Очевидно, для правового развития Украины формирование четкой и долгосрочной стратегии и тактики в правовой сфере могло бы стать средством повышения эффективности управленческой деятельности государства в сложных условиях постмодерновского порядка. При этом не обходимо принимать во внимание, что правосознанию в Украине свойственно то, - констатирует Ю.Н. Оборотов, - что правовой менталитет по-прежнему характеризуется отождествлением права и силы со значительной долей нигилизма, а государственный менталитет ярко расцвечен патерналистскими тонами, надеждами на безграничные возможности государства [2, с. 123].

В комплексе проблем, нуждающихся в переосмыслении в контексте современной парадигмы правопорядка, является относительно новой и малоисследованной для отечественного правоведения, но, несомненно, важной в теоретическом, методологическом, и прикладном аспектах для формирования целостной современной доктрины правопорядка имеет

проблематика соотношения государства, гражданского общества и правопорядка.

На первый план здесь выходит задача преодоления глубоко укоренившегося в обыденном, компетентном, профессионально-юридическом, и даже научном правосознании этатистского восприятия правопорядка [3, с. 8]. Если учесть, что подобная интерпретация правопорядка сохраняет удивительную живучесть и способность мутировать, маскируясь под "новое видение", эта проблема приобретает характер сверхзадачи.

Этатизм в интерпретациях правопорядка разнообразен и многолик: проявляется он в основополагающих подходах к пониманию природы правопорядка, и в постулировании плавающей роли государства в его формировании и обеспечении, в весьма заметном преуменьшении возможностей гражданского общества в процессах "стихийного" правового упорядочения, в характеристиках соотношения правопорядка и законности, и т. д. На этом фоне выработанные ранее дефиниции правопорядка нуждаются в критическом переосмыслении с тем, чтобы современные доктринальные его определения адекватно отражали социально-правовую природу, ипостаси и многообразие проявлений в реальной жизни. Эта проблема актуальна и в теоретическом, и в методологическом, и в прикладном аспектах, поскольку то или иное понимание правопорядка, "встраиваясь" в систему категорий юриспруденции, коррелирует значение других правовых категорий, а в практическом приложении выполняет функции целеполагания и ориентирования для соответствующих правоохранительных институтов.

Речь идёт о поисках самостоятельной содержательно-смысловой "ниши" правопорядка в понятийно-категориальном аппарате юриспруденции, которая отражала бы собственную правовую предметность этого феномена, а не конструировала её из "материала" иных правовых явлений, как это

имеет место в подавляющем большинстве дефиниций правопорядка, получивших прописку в юридической литературе. На этом пути возникают прежде всего трудности методологического характера, поскольку "ипостаси" правопорядка (формы его бытования и "явления" человеческому восприятию) весьма отличны от способов проявления других правовых явлений (правовых отношений, правовых актов, правового поведения и др.) [4, с. 9-16].

При всём обилии определений правопорядка, выработанных правоведами за последние 20 - 30 лет, все они так или иначе следуют в русле подходов, выработанных Н.Г. Александровым ещё в 50-е годы прошлого столетия. Имея в виду "социалистический" правопорядок, Н.Г. Александров утверждал, что он представляет собой такой порядок в волевых отношениях, который устанавливается посредством осуществления социалистической законности [5, с. 10]. Позднее, в своём фундаментальном труде Н.Г. Александров расширяет определение правопорядка, дополняя его таким элементом, как правомерное поведение [6, с. 195].

Весьма показательно, что наиболее распространённые в современной юридической литературе дефиниции правопорядка вполне укладываются в указанные подходы, которым свойственно отождествление правопорядка с правовыми отношениями или правомерным поведением и интерпретация правопорядка как результата режима законности. С.С. Алексеев определяет правопорядок как состояние упорядоченности общественных отношений, выражающее реальное, практическое осуществление требований законности [7, с. 124-125]. Современные определения правопорядка дополняют дефиницию С.С. Алексеева указанием на то, что правопорядок основывается не только на законности, но и на праве [8, с. 297; 9, с. 508]. Весьма показательна реакция исследователей правопорядка на такую

новеллу. О.П.Саудяк считает указание на право как основание правопорядка "избыточной информацией", поскольку "...правопорядок, который сложился на основе законности, основан и на праве, ибо законность как явление социальной жизни не может существовать вне пределов права, без юридических норм и предписаний. Попытка увязать правопорядок одновременно и с правом, и с законностью в рамках одного определения ведет к перегрузке последнего, дублированию в нем одних и тех же характеристик, которые отличаются лишь словесным обрамлением" [1, с. 168]. Согласимся, что в рамках позитивистского правопонимания такое утверждение вполне оправдано. Однако, если исходить из нетождественности права и закона (а наличие неправовых, и даже правонарушающих законов сегодня уже мало кем оспаривается), то введение в современные дефиниции правопорядка указаний на законность как его основание, действительно выльется как "избыточная информация", которая, к тому же, сообщает таким определениям внутреннюю противоречивость.

Думается, что смешение правопорядка и законности, являющееся идеологизированным штампом советской эпохи, превращение их в этиких "сиамских близнецов", которые связаны друг с другом причинно-следственными связями, не может вывести теорию правопорядка на современный уровень прочтения этого феномена. Такое прокрустово ложе понимания данных категорий не только ограничивает предметно-содержательное поле каждой из них, но и сдерживает осмысление автономной роли и значения этих феноменов в правовом бытии общества. Поэтому в нынешней ситуации закономерно возникает проблема определения соотношения между законностью и правопорядком, их места в категориальном аппарате юриспруденции, и наконец - корректирования методологических подходов в исследованиях этих правовых явлений.

Очевидно, что укрепившиеся в отечественном правоведении доктринальные интерпретации правопорядка и законности имеют глубокие исторические корни, их объединяет генезис в контексте небезуспешных усилий государственной власти "приручить" эти феномены и подчинить их своим интересам. Драматической частью этого сюжета является "поплощение" правопорядка законностью в период целой эпохи периода существования СССР.

Первое, что обращает на себя в советской концепции законности - доминирование в её интерпретациях идеологических и классовых мотивов. Также её истолкование должно было дополнить, и таким образом усилить юридический потенциал этого понятия. Специалисты не могли не понимать: адекватным предметно-содержательному полю законности могло бы быть применение её лишь в качестве принципа, в соответствии с которым требования действующего законодательства являются обязательными для участников общественных отношений. Однако идеологизация законности сыграла злую шутку с этой категорией, раздув её до размеров конструкта, иногда затмевавшего собой даже идею права, но в теоретическом и прикладном смысле малопродуктивного.

Справедливости ради следует признать, что истоки такой теоретической и эмпирической модели законности, не имеющей аналогов в юридических доктринах развитых правовых систем других стран, уходят корнями в "давние" дореволюционные времена.

Возникновение законности как правового феномена связывают с историей формирования представительской власти государствообразующего народа [10, с. 88-98], которая была бы способной диктовать государственной власти волю народа, ограничивать деятельность монархов и других правителей от имени народа с помощью законов, которые принимает представительная власть. Это явление, как

считается, появилось в Англии и официально сформулировано в Великой Хартии вольностей (1215 г. где было установлено, что никто не может быть арестован, лишён свободы или собственности, изгнан из страны иначе, чем по приговору равных на основании закона этой страны. Все эти ограничения были направлены против власти короля, а требования сформулированы от имени свободных жителей Англии, включая представителей городов, а также крестьян [11, с. 154-156]. Такая традиция применения законности сохранилась и с некоторыми особенностями получила развитие в западных правовых системах.

В России же появление и утверждение законности связывают с именем Петра I, который своим Указом 12 января 1722 года создал прокуратуру, наделив её полномочиями надзора за строгим соблюдением законов государства [12, с. 350]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что представления о законности, которые распространялись монархической властью в России, кардинально отличались от тех, которые утверждались набирающим силу гражданским обществом и на то время стали едва ли не классическими в практике западных стран. В России же, начиная с Петра I, который впервые в истории российской государственности пытался перестроить общество на основе всеобъемлющего законодательства, законность стала пониматься как выражение воли верхов, обеспечение их интересов на основе строгого соблюдения законов [13, с. 65]. Результатом насаждаемой сверху модели законности, как свидетельствуют исследования этой проблематики, стало то, что "...откровенное господство произвола и беззакония значительно чаще наблюдается в России, чем соблюдение законности" [13, с. 307]. Наряду с этим, в дореволюционной российской юриспруденции была достаточно сильной доктринальная оппозиция такой концепции законности. Многими российскими юристами, как и западноевропейскими в то время,

законность истолковывалась как требование соблюдать предписания законодательства, обращенное к государственной власти [14, с. 20].

Но, как это не парадоксально, внедрённая Петром I модель законности была воспринята и "модернизирована" властью Советов. Совсем не случайным был и отказ диктатуры пролетариата от категории правопорядка. В отличие от законности правопорядок трудно поддавался идеологизации, политизированию и другим "пластическим операциям", поэтому до 60-х гг. был вытеснен из научных и практических процессов. Однако, своеобразное видение законности сохранилось и в "наследнике" революционной законности - социалистической законности. Это понятие определялось как "неуклонное исполнение законов и иных правовых актов органами государства, должностными лицами, гражданами и общественными организациями" [15, с. 101], и было типичной для советской эпохи статистской интерпретацией законности.

Стремление учёных выйти из этого круга проявлялось через расширение объёма понятия законности, модификацию её структуры. Н. Г. Александров различал законность в широком и узком аспектах. В широком аспекте социалистическая законность представляет собой принцип, в соответствии с которым требования соблюдения законов (и принятых во исполнение законов подзаконных актов) предъявляются в равной мере ко всем без исключения гражданам, должностным лицам, учреждениям и организациям [6, с. 105]. Законность в узком смысле определялась как принцип деятельности социалистического государственного аппарата [6, с. 105]. Этот доктринальный дуализм дополнялся видением законности как необходимого условия социалистической демократии, и даже - как всеобщего принципа права [16, с. 226], что предопределяло раздувание содержательных характеристик законности, сдерживало выработку целостного её понимания и назначения.

Содержательная "экспансия" законности проявилась и в понимании её соотношения с правопорядком. В советской юриспруденции сложилась традиция соединения категорий "законность" и "правопорядок" в единую смысловую конструкцию, отражением чего стало именно также освещение вопросов законности и правопорядка в большинстве учебников по теории государства и права. Это положение в значительной мере сохраняется и ныне. Как отмечает Г.И.Муромцев, проблема законности - ещё один пример старых подходов. "В нашей научной и учебной литературе доминирующим остаётся советский подход, когда законность определяется как принцип, метод, режим государственного руководства обществом, состоящий в строгом, неуклонном соблюдении законов всеми субъектами права. Такой подход вытекает из командно-административных методов правового регулирования, которые господствовали в советские время" [17, с. 75].

Как это не прискорбно, но и в современных условиях, когда понимание права выходит далеко за рамки только лишь совокупности законов (норм), статистские интерпретации законности копируются в приукрашенном под "современную моду" виде. Чего стоит дефиниция, приведенная в одной из недавно защищённых диссертаций: "...законность определяется как строгое и неуклонное соблюдение, исполнение и применение законов (подчёркнуто мною - А.К.), а также надлежащее использование предусмотренных в них прав (свобод) гражданами и другими субъектами права" [18, с. 10]. Здесь не только воспроизводится "широкий" подход к законности, в котором игнорируется разноречивость государства, его органов и должностных лиц в достижении законности, и гражданина, различная степень ответственности за осуществление требований законодательства государством и гражданином. Этот подход, по-сути, занижает заведомо

необходимые повышенные требования к государству которое само, прежде всего и должно "строго и неуклонно" осуществлять требования правовых законов, показывая пример гражданам. Также определение законности маскирует государство среди иных субъектов права, "арифметически" делит моральную и юридическую ответственность за законность. Но есть здесь и риторика, которая "резала ухо" даже в советские времена, а уж во времена нынешние "строгое и неуклонное" в соотносимости с Идеей Права воспринимается как анахронизм.

Для своего времени традиция усиливать значение правовых понятий прилагательными была весьма распространённым способом идеологизации права, но при этом выполняла и сугубо прагматическую функцию - компенсировать латентную девальвацию терминов в условиях тотального нарушения законности самим государством. Например, соединение глагола "исполнение" или "соблюдение" с прилагательными "строгое и неуклонное" создавало содержательно противоречивую смысловую конструкцию с "избыточной информацией" (потому, что если что-либо исполнено, или соблюдено, то этого в соответствии с нормальной логикой достаточно и без указания на "строгость и неуклонность") со зловещим подтекстом, ибо именно это самое "строгое и неуклонное" на практике обращалось в беззаконие и несправедливость действий власти против граждан.

Наполнение законности преимущественно идеологическим содержанием выхолщивало её юридический смысл, приводило к сакрализации этого понятия, превращало её в идеологический миф, который создавал (или должен был создавать) впечатление всеохватывающего, тотального проявления законности. В этом же ряду и наделение законности различными ипостасями: сначала это просто "требования", потом "принципы", в

дальнейшем - метод государственного руководства обществом, и как "вершина" - "режим" государственной и общественной жизни. Такая преимущественно филологическая эквилибристика мало прибавляла самой законности, которая вследствие размывания собственно юридического её содержания так и не превратилась в технико-юридическое средство, которое было бы эффективным теоретическим и практическим инструментом реальных преобразований в правовой сфере. Именно поэтому в решениях, приговорах и других актах отечественных судов по конкретным делам категория "законность" не используется как самостоятельный и самодостаточный правовой аргумент принятия решения, в отличие, например, от американских судов, которые "рутинно" используют принцип законности как действующий юридический инструмент при разрешении конкретных дел [19, с. 48-61].

Проблема ещё и в неравноценности (разноуровневости) понятий "право" и "закон". Категория "правовой режим законности", если оценивать это словосочетание с позиций соотношения права и закона, содержит в себе внутреннее противоречие, поскольку "правовой" понимается как свойство "законности", хотя в действительности всё наоборот. Это словосочетание вносит путаницу в сложившийся категориальный аппарат правоведения, где используются такие вполне содержательные понятия как "правовой режим чрезвычайного положения", "отраслевой правовой режим" и др.

В формально-юридическом сопоставлении, понятие "законность" не обнаруживает особенной содержательности при сравнении понятий "законный - правомерный" и "незаконный - неправомерный". Категория "правомерный", по-сути, поглощает понятие "законный", а "неправомерный", соответственно - "незаконный". Поэтому законность не вполне корректно определять как соответствующее требованиям действующего законодательства

состояние жизнедеятельности общества, ибо это элемент правовой упорядоченности общества, который не может быть вычленен из общего состояния упорядоченности правового бытия. Законность как свойство наличных правовых отношений "растворяется" в правомерности общественных отношений, которые основываются на предписаниях права, соответствуют его требованиям.

Указанное смещает и акценты в соотношении категорий "законность" и "правопорядок". Из категории "закон" в соотношении с порядком может выводиться состояние "законного порядка" (закнопорядка). Поэтому правопорядок никак не может декларироваться как результат законности: выведение большего из меньшего противоречит правилам логики. Иначе, если мы хотим установить правопорядок, который основывается на нормах и ценностях свободы, справедливости и равенства, мы должны выводить этот порядок не из закона, а из права. Только от права порядок и может получить действительно правовое, а не законное (законническое) наполнение.

Категория же законности в соотносимости с правом получает свою "правовую развёрстку" в правозаконности. Необходимость наполнения законности правовым содержанием определяется и тем, что сам термин "законность" мало что говорит, он характеризует только одно из имманентных свойств любого права, его общеобязательность - категоричность, непреложность строжайшего, неуклонительного соблюдения, претворения в жизнь действующих юридических норм - неважно каких, в том числе - "революционных" и самых что ни есть реакционных [20, с. 471]. Принимая же во внимание, что Украина вступила нынче на путь освоения либеральных ценностей, которым согласно замечанию Ф.Хайека только и соответствует концепция правозаконности, она, как и в предыдущие эпохи, сможет стать не только

щитом свободы, но и согласованным механизмом её реализации [21, с. 128].

Поэтому все основания утверждать, что не правопорядок является следствием законности, а наоборот, законность - результат правового порядка в обществе. Надёжный правопорядок, то есть сложившееся качество упорядоченности правовой жизни и является главным условием законности в деятельности властных институтов государства, выступает тем общим правовым "фоном", который вынуждает государственную власть "строго и неуклонно" следовать требованиям права (а значит, и правового закона).

Продолжение сложившейся в отечественной юриспруденции традиции отождествления правопорядка и законности составляет необходимую предпосылку разграничения не только содержания, но и предназначения этих феноменов. Во взаимосвязи с переосмыслением соотношения гражданского общества и государства меняются и общий контекст их правового функционирования и влияния на процессы правовой самоорганизации общества, обеспечения законности и формирования правопорядка.

Гражданское общество, принимающее на себя значительную часть социальных функций, прежде всего тех, которые связаны с самоорганизацией социума, в сфере сбалансированного осуществления государственной власти. Собственно, само возникновение гражданского общества подталкивается растущей фигурой государства и связанных с этим опасностей для социума. Поэтому концепт "гражданское общество" формирует социальный предел вмешательства государства в правовую жизнь, ограничивая его только теми сферами, где не срабатывают цивилизованные формы правовой самого общества. Соответствующее гражданскому обществу минимальное, но сильное государство призвано эффективно действовать в целях предотвращения и преодоления нарушений

публично-правовых интересов и обеспечивать надёжную и эффективную защиту нарушенного частного права.

Влияние гражданского общества пронизывает практически все стороны и стадии обеспечения упорядочения общественной жизни, но наиболее значительной представляется его роль в формировании социальных представлений о том, каким именно должен быть этот порядок путём общественной легитимизации его стандартов. Обладая мощным властно-политическим и демократически-самоуправленческим потенциалом, институты гражданского общества аккумулируют в себе социальные ожидания и представления различных слоёв населения и социальных групп относительно моделей социального устройства, заявляют о них через декларации, программы и требования гражданских организаций и объединений. Транслируя через каналы взаимодействия эти представления и стандарты на институты власти, гражданское общество задаёт контуры будущего порядка, контролирует деятельность власти в этой сфере. Будучи системой связей и отношений свободных индивидов, гражданское общество творит свободный правопорядок, столь же необходимый и легитимный, прежде всего в сфере действия принципа "дозволено всё, что не запрещено законом". "А коль скоро в современном гражданском обществе, - замечает С.С.Алексеев, - правовой порядок... основывается на гуманистическом праве и, стало быть, прежде всего на естественных неотъемлемых правах человека, то и сам юридический строй юридических отношений должен приобретать своего рода естественно-правовой характер. То есть становится столь же необходимым и жестким, как и сама природа" [20, с. 473].

Одной из составляющих такою "правового устройства общественных отношений" мыслится разделение "сфер ответственности"

государства и гражданского общества. При этом требования правозаконности составляют условие и стандарт деятельности государства, его органов и должностных лиц, а гражданское общество "ответственно" за правомерность поведения субъектов права вне властной системы отношений. Этот "паритет" не только устанавливает баланс отношений между гражданским обществом и государством в сфере формирования социально приемлемого качества упорядоченности правовой жизни, но сообщает им характер договорности и вытекающей из неё взаимной ответственности. Наличие сильного государства и сильного гражданского общества образует интегративную модель общественного устройства (О.П.Сзуляк), в координатах которой характер взаимоотношений между этими субъектами определяется не стремлением к противостоянию, ибо последнее само по себе лишено какого-либо конструктивного потенциала. Напротив, их взаимодействие основано на началах партнёрства, взаимодополняемости, рационального распределения "зон" ответственности и регулятивных полномочий [22, с. 98]. Гражданское общество призвано акцентировать внимание государства на должном соблюдении правовой законности и обеспечении надёжного, устойчивого правопорядка. Эффективный контроль институтов гражданского общества выступает важным условием надлежащего осуществления государством деятельности, которая может быть названа функцией обеспечения правопорядка.

"Технологическая" функция правозаконности как принципа функционирования государства и его институтов, проявляется в определенной последовательности реального продвижения к правовому государству. Эйфория правовой государственности, овладевшая умами украинцев в конце 90-х годов прошлого столетия, заметно поубавилась из-за того, что в бытовавшие в обществе иллюзии быстрого превращения

тоталитарного государства в правовое вытеснила "суровая действительность" эпохи первоначального накопления. Поэтому идея правового государства, из-за отсутствия заметных признаков движения к нему прежде всего государственного аппарата, значительной частью общества воспринимается как миф, недостижимый идеал. Очевидно, правоправедение и должно предложить обществу определённую технологию формирования правового государства, своего рода "дорожную карту", в которой последовательность реального продвижения на этом пути соответствовала бы значимости необходимых преобразований.

А обеспечение правозаконности в сфере деятельности государственных органов может и должно быть показателем такого движения, станет сигналом обществу, который будет поддержан институтами гражданского общества на пути к формированию устойчивого правового порядка. В этом направлении должны быть сделаны реальные шаги, иначе "...надёжному и устойчивому порядку (в Украине - А.К.) вечно суждено пребывать в начале своей истории" [22, с. 101].

Перелік використаної літератури:

1. *Сзуляк О.П.* Парадигма правопорядка: современное прочтение // Правоведение, 2006. - №3.
2. Введение в украинское право / Под ред. С.В. Кивалова, Ю.Н.Оборотова. - Одесса: Юридична література, 2005.
3. *Оборотов Ю.Н.* Современное государство: основы теории: Учебный курс. - Одесса: Астропринт, 1998.
4. *Крижанівський А.Ф.* Феноменологія правопорядку: поняття, виміри, типологія // Одеська націон. юрид. акад. - О.: Фенікс, 2006.
5. *Александров Н.Г.* Законность и правопорядок в социалистическом обществе / Советские государство и право. - 1955. - № 5.

6. Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. - М.: Госюриздат, 1961.
7. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Курс лекций. В 2 т. - Свердловск, 1972. Т.1.
8. Теория права и государства / Под ред. проф. В.В. Лазарева. М., 2001.
9. Мухаев Р.Т. Теория государства и права. М., 2005.
10. Мамут Л.С. Государство как публично-властным образом организованный народ // Журнал российского права. 2000. №3.
11. Всеобщая история государства и права. Былина, 1995.
12. Ильин А.В., Морозова С.А. Из истории права. СПб, 1997.
13. Рязнов Ф.М., Минихметов Р.Г., Пономарев Д.А. Право и законность в демократическом обществе. - М.: Право и государство, 2000.
14. Кистяковский Б.А. Государство правовое и социалистическое // Теория государства и права. - СПб., 2001.
15. Юридический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1984.
16. Алексеев С.С. Общая теория права: В 2-х т. Т.1. - М.: Юрид лит, 1981.
17. Муромцев Г.И. Проблемы теории государства и права в новых условиях // Труды Московской государственной юридической академии. М., 2001.
18. Самохвалов В.В. Законність і справедливість: теоретико-правові проблеми співвідношення та взаємодії. Автореф. дис...канд. юрид. наук. - К., 2006.
19. Козочкин И.Д. Принцип законности в современном американском уголовном праве. // Правоведение, 2005. - № 6.
20. Алексеев С.С. Право: азбука - теория - философия Опыт комплексного исследования. - М.: "Статут", 1999.
21. Хайек Ф. Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. - № 11.
22. Сидяк О.П. Правопорядок в коллективистских и индивидуалистических обществах: сущность, основные характеристики, поиск новой модели // Государство и право, 2006. - № 4.

